

УДК 81'23, 81'367, 811.512.212

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4_115

Рудницкая Елена Леонидовна
Институт востоковедения РАН
г. Москва, Российская Федерация
erudnitskaya@gmail.com

Вопросительные местоимения как глагольные основы в эвенкийском языке

Аннотация

В статье обсуждаются проблемы, связанные с частеречной омонимией на материале вопросительных местоимений и глаголов, в эвенкийском языке. Обнаружены вопросы, состоящие из вопросительного глагола $\bar{\alpha}$ - 'что делать', описывается их употребление. Такой вопрос классифицируется как риторический или не навязчивый (ответ в данной речевой ситуации не важен). Кроме того, рассматриваются традиционные и формальные подходы к проблеме частеречной омонимии, подробно обсуждается механизм инкорпорации. Инкорпорация, так же как конверсия и словообразование, концептуально менее адекватна, чем теория не определённых по части речи основ (А. Маранц). Это связано с тем, что инкорпорация предполагает, что основа существительного является исходной, или первичной, а основа глагола вторична. В то же время инкорпорацией можно объяснить определённые факты словообразования и употребления глагола $\bar{\alpha}$. Перечисляются и другие недостатки теории инкорпорации в приложении к рассматриваемому материалу.

Ключевые слова: основа, омонимия, часть речи, риторический, вопросительный, эвенкийский язык

© Рудницкая Е. Л. 2023

Для цитирования: Рудницкая Е. Л. Вопросительные местоимения как глагольные основы в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 115–113. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_115

Elena L. Rudnitskaya
Institute of Oriental Studies
Moscow, Russian Federation
erudnitskaya@gmail.com

Interrogative pronouns as verb bases in Evenki

Abstract

The paper considers the problems related to the part-of-speech homonymy based on the data of interrogative pronouns and verbs. Questions consisting of the interrogative verb $\bar{\alpha}$ - 'to do what' are identified; their use is described. Such a question is classified as rhetorical or non-intrusive question (when the answer is irrelevant in the current situation). Also, traditional and formal approaches to the problem of part-of-speech homonymy are viewed; the incorporation mechanism is considered in detail. The results indicate that incorporation along with conversion and word-formation are conceptually less adequate than A. Marantz's theory of roots¹ that are categorically undifferentiated. This is because incorporation assumes that the noun base is primary, whereas the verb base is secondary. At the same time, certain facts of word-formation and use of the verb $\bar{\alpha}$ - can be accounted for by incorporation. Other shortcomings of the incorporation theory applied to the current data are discussed.

Keywords: base, homonymy, part of speech, rhetorical, question, Evenki

© Rudnitskaya E. L. 2023

¹ По нашему мнению термин *base* является более точным.

For citation: Rudnitskaya, E. L. (2023). Voprositel'nye mestoimeniya kak glagol'nye osnovy v evenkiyskom yazyke [Interrogative pronouns as verb bases in Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 115–123. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_115

1. Введение [Introduction]

В статье рассматривается проблема неопределённых по части речи основ и, конкретнее, данные, которые привносятся при привлечении анализа вопросительных слов. Использовались два источника данных: корпус устных рассказов на эвенкийском языке (7552 предложения)² представителей разных говоров эвенкийского языка и анкетирование (опросы) носителей усть-нюкжинского (одного из восточных) говора. Опросы проводились в 2023 году. В них приняли участие 4 носителя языка: 3 женщины (70, 63 и 55 лет) и 1 мужчина (39 лет), из них 2 оленевода и 2 работника сферы образования), хорошо владеющих эвенкийским и русским языками. Из них оленеводы чаще, чем остальные, говорят по-эвенкийски, в том числе в быту и в тайге. Женщины старшего возраста говорят друг с другом также по-эвенкийски.

Для анализа были взяты вопросительные местоимения, поскольку в эвенкийском языке они обладают минимальным лексическим значением, но характеризуются довольно широкой сферой употребления. От них образуются неопределённые и отрицательные местоимения, употребление которых будет также рассмотрено.

При опросах носителям давались русские слова, словосочетания и предложения, заданием было перевести на эвенкийский. Ответы разных носителей сопоставлялись друг с другом, и на основе этого сопоставления принимались решения о том, какие словосочетания и предложения возможны на эвенкийском языке, а какие нет.

Данная тема представляет интерес, поскольку в литературе по языкознанию мало работ, рассматривающих функционирование указанных местоимений с теоретической и формальной точек зрения.

2. Именные и глагольные основы [Noun and verb bases]

В эвенкийском языке есть много основ, для которых деление на именные и глагольные части речи несущественно [Василевич, 1940; Болдырев, 2007, с. 53–63]. Например, *dojoto-* может обозначать как действие ‘замёрзнуть’, так и объект ‘мерзлота’ (1а-б).

(1)

- а. *dunnə* *dojoto-čə*
земля замёрзнуть-PTCP.ANT
‘Земля замёрзла’ (Анкета)
- б. *dojoto-du* *bi-dʲə-rə-n*
мерзлота-DAT быть-IPFV-NFUT-3SG
‘Он живёт (букв. находится) в мерзлоте’ (Анкета)

Вопросительное местоимение в эвенкийском языке имеет основу *əkun-* (2а) или *ə-* (усечённую) (2б). Усечённая основа *ə-* выступает в глаголе *ə-* ‘что делать’ (2в).

(2)

- а. *əkun-ə* *sun-dū* *gun-dʲə-m* *minə* *til-dō-hun*
что-PART 2PL-DAT говорить-NFUT-1SG 1SG.ACC понять-CVB.PURP-2PL
‘Что я вам расскажу, чтобы вы меня поняли?’ (Корпус)
- б. *ə-wa* *gun-dʲə-m*
что.TRUNC-ACC говорить-NFUT-1SG
‘Что скажу?’ (Корпус) {в начале рассказа}

² Сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие». Корпус устных рассказов на эвенкийском языке. Создан Е. Л. Клячко (2010-2023 гг.). URL : <http://minlang.srcc.msu.ru/>, <http://gisly.net/corpus/>

в. *ḡ-l-d'a-m* *bi*
 что.TRUNC-INCH-NFUT-1SG 1SG
 ‘Что я буду делать?’ {Закричала на него (медведя). Стала... палками бросаться...} (Корпус)

Наряду с (2в) с основой *ḡ-*, используется вопрос ‘Что делать?’ с глаголом *o-* ‘делать, мастерить’ и местоимением *ḡ* ‘что’ (3).

(3)
ḡ-wa *o-sā-s*
 что-ACC делать-PST-2SG
 ‘Что ты сделала?’ {Почему мой огонь погас, когда ты вошла?} (Корпус)

Вопросительное местоимение в эвенкийском языке может функционировать и как глагольный плейсхолдер³ без изменения основы [Klyachko, 2022]⁴ (4), и как глагол *ḡ-d'a-Ø-m=mal* со значением ‘делать что-то’ (5а) (с частицей неопределённости =wal/=mal, которая в первую очередь присоединяется к вопросительному местоимению *ḡ-*, образуя неопределённую форму *ḡ-wa=wəl* в (5б)).

(4)
i ḡ-ra-w *mī-ra-w* *mari-nd'a-dū.*
 и что-NFUT-1PL(EXCL) заблудиться-NFUT-1PL(EXCL) мари-INTS-DAT
 ‘И мы это, заблудились на большой мари’

(5)
 а. *bī* *ḡ-d'a-Ø-m=mal* *ḡ-d'a-Ø-m=mal*
 я что.TRUNC-IPFV-NFUT-1SG=INDEF
 ‘Я делаю что-то, делаю’ (Корпус)

б. *mōm* *ičə-t-čə-m=dḡ* *ḡ-wa=wəl*
 RFL-PS.1SG смотреть-DUR-FUTCNT что.TRUNC-ACC=INDEF
o-d'a-m
 делать-FUTCNT-1SG
 ‘Я сам посмотрю и что-нибудь сделаю’ (Корпус)

В работах [Klyachko, 2022] и [Podlesskaya, 2010, p. 14] не комментируется причина омонимии основы глагольного и именного плейсхолдера в эвенкийском и нганасанском. Создаётся впечатление, что у плейсхолдеров в этих языках есть свои, особые морфологические признаки, такие как неразличение именной и глагольной основ.

Мы видим, что употребление глагольной основы со значением ‘что делать’ не ограничено ни плейсхолдерами, ни даже вопросами. Это говорит о том, что в эвенкийском языке наличие таких основ – это базовый морфосинтаксический признак, а не свойство исключительно плейсхолдеров. В нганасанском языке, вероятно, действует та же закономерность [Терещенко, 1979, с. 248].

2.1. Вопрос с глаголом ‘что делать’ [A question with the verb ‘to do what’]

Чем отличаются вопросы с *o-* ‘делать’ и с *ḡ-* ‘что делать?’? Первые бывают и информациональные (заданные с целью получения информации, (3)), и риторические (6), а вторые – только риторические (2в), (7).

(6)
ḡkūn *ḡ-də-n* *nuḡən-dū-n*
 что делать-NFUT-3SG 3SG-DAT-PS.3SG
 ‘Что случилось с ним?’ {в рассказе об умершем знакомом} (Корпус)

³ Под плейсхолдером имеется в виду маркер хезитации, который употребляется вместо забытого слова и может копировать его морфосинтаксические признаки (хотя это не обязательно) [Podlesskaya, 2010, p. 11].

⁴ Так же как и в нганасанском языке [Podlesskaya, 2010, p. 14] и ряде уральских языков (С. Ю. Толдова, личное замечание).

(7)

lila ə-d'a-Ø-ndə

Лиля что-IPFV-NFUT-2SG

‘Лиля, что ты делаешь?’ {реплика учительницы; ученица Лиля пишет левой, а не правой рукой} (Корпус)

Конструкция (2в)/(7) с *ə-* ‘что делать?’ используется, когда вопрос риторический, то есть задаётся не для получения информации, по крайней мере по части характеристик. Риторический вопрос употребляется, когда говорящий хочет не узнать ответ, а задать вопрос, сделать утверждение, и в контексте данного речевого акта ответ на этот вопрос известен. Так, сказав *Что ты делаешь?*, говорящий при риторическом вопросе выражает своё негативное отношение к действиям слушающего, зная, что тот делает. Несомненно, (7) – это риторический вопрос (возможно, калька с русского). В (2в), по работе [Abioye, 2009]⁵, вопрос является риторическим, потому что говорящий сам на него отвечает. Этот вопрос в данном контексте сообщает скорее о замешательстве при виде медведя, а не является просьбой сообщить, что делать при виде медведя. В работе [Yar et al., 2023] обсуждается понятие «(дез)аффилиации» ((dis)affiliation): принятие говорящим точки зрения слушающего или противоположной точки зрения, возникающее в неинформационном вопросе. В примере (7) говорящий выражает несогласие со слушающим, и здесь можно говорить о дизаффилиации.

Обычный вопрос, показанный в (3), подразумевает, что ответ на вопрос ‘Что делать?’ не известен тому, кто задал вопрос: женщина, которая задаёт вопрос, не знает, что вторая (вошедшая) женщина могла сделать для того, чтобы огонь погас. То есть вопрос задаётся с целью получения информации.

В работах [Faller, 2022 ; Amon, 2023] обсуждается (в румынском и эстонском языках) ненавязчивый вопрос (non-intrusive question), ответ на который даётся или неизвестен говорящему, но при этом говорящий не считает, что ответ может быть исчерпывающим или прояснить ситуацию⁶. Ср. пример с глаголом *ə-* ‘что делать’, который сконструировали носители языка в (8).

(8)

ə-d'ə-Ø-nni

что.TRUNC-IPFV-NFUT-2SG

‘Что ты делаешь?’ (Анкета)

Вопрос в (8) уместен, если одна женщина говорит с другой, причём они находятся в разных палатках⁷ (то есть ей не известен ответ на вопрос), и та, которая спрашивает, хочет о чём-то попросить вторую. Таким образом, её интересует не ответ на вопрос (хотя содержательный ответ тут возможен), она спрашивает просто из вежливости. Тут понятие ненавязчивого вопроса подходит больше, чем риторического. Также подобный вопрос может быть задан, если повар пришёл на работу, или кто-то пришёл к знакомым помогать им в уборке (ответ на вопрос в обоих случаях примерно известен). Вопросы, заданные из вежливости, можно также назвать содержащими аффилиацию по [Yar et al., 2023] – то есть, задаваемые для того, чтобы точки зрения слушающего и говорящего сблизилась.

Таким образом, вопрос с *ə-* ‘что делать?’ кодирует необычную предпосылку вопроса: вопрос должен быть риторическим или ненавязчивым, или (дез)аффилирующим.

⁵ См. также статью о риторическом вопросе (<https://www.bachelorprint.com/academic-writing/rhetorical-questions/#~:text=Rhetorical%20questions%20come%20in%20three,or%20attack%20the%20question's%20target>), в которой подобные вопросы относятся к риторическим гипотетическим (т. е. таким, на которые говорящий сам отвечает в контексте).

⁶ В румынском языке ненавязчивый вопрос маркируется частицей *oare*, а в эстонском – парентетическим употреблением прилагательного *huvitav* ‘интересный’.

⁷ Сейчас палатки используются оленеводами при жизни в тайге вместо чумов.

2.2. Способы описания основ, которые не определены по части речи [The ways to describe categorically undifferentiated bases]

Традиционная трактовка совпадения основы имени и глагола – рассмотрение их как частеречных омонимов ‘что-что делать’ [Суник, 1966]⁸. Есть другие варианты анализа: через конверсию, через прибавление нулевого словообразовательного аффикса. Эти два варианта, в сравнении с омонимией, формально удовлетворительны, однако оба они предполагают, что одна из основ (глагольная или именная) исходная, а другая – производная.

Имеются также варианты формального анализа основ, не определённых по части речи. Один из них – теоретический подход распределённой морфологии (*distributed morphology*) в работе [Marantz, 1997], при котором не определённые по части речи основы изначально не относятся ни к одной части речи, приобретая такую характеристику в процессе деривации. На наш взгляд, данный подход концептуально правильно описывает ситуацию с основами.

Мы подробно рассматриваем анализ с помощью инкорпорации, также основанный на моделях современной теоретической морфологии и синтаксиса. Выглядит он следующим образом: морфологическая структура основы \bar{a} - из глагола \bar{a} -*l-d'a-m* в (2в) параллельна отыменным глаголам, образованным от существительного-объекта: *mō* ‘дерево’ → *mō*- + *-lā*- ‘рубить дрова’. Такой анализ – с инкорпорацией аналогичных эвенских глагольных основ в показатель вербализации типа *-lā*- (исторически восстанавливаемый глагольный корень) – предлагают А. Виньяр и Т. Казакова [Vinyar, Kazakova, 2022]. Если распространить этот анализ на рассматриваемые в данной статье частеречные омонимы, типа (2б) vs. (2в), то мы получим не два частеречных омонима, а именную основу, которая инкорпорируется в нулевую глагольную основу (и результирующая основа имеет глагольные свойства). Например, в (2в) глагольная основа \bar{a}_{V-} получается через инкорпорацию именной основы \bar{a}_{N-} в нулевую глагольную основу: $\bar{a}_{V-} = \bar{a}_{N-} + \emptyset_{V-}$. Таким образом, анализ становится более экономным: можно отказаться от громоздкой омонимии основ, которая может быть адекватно представлена только в словаре. Однако, во-первых, у анализа с инкорпорацией есть исходная и производная основа: именная – исходная, а глагольная – производная⁹. Во-вторых, такой анализ может привести к появлению открытого множества нулевых основ глагола с разными значениями¹⁰, которые к тому же не используются нигде, кроме случая образования глаголов от омонимичных именных корней.

Пример (9) показывает, что инкорпорация при образовании глаголов от существительных, описанная выше, не является инкорпорацией в строгом смысле [Mithun, 2000, p. 922–923], поскольку у результирующего глагола допускается прямой объект¹¹. В корпусе встретился один пример, в котором у глагола с основой \bar{e}_{V-} в значении ‘что делать’ (\bar{e} -*d'a-raki-f* в (10а)) имеется прямое дополнение *a-ja-wəl*.

Однако носители языка не подтвердили возможность данной конструкции: из (10б) видно, что в вопросе типа (8) прямой объект невозможен, а в (10в) конструкция, аналогичная (10а), невозможна. Возникает вопрос, можно ли считать инкорпорацией образование отыменных глаголов в эвенкийском языке и есть ли у не определённой по части речи основы в глагольном употреблении аргумент-объект (см. сноску 11).

⁸ В работе [Василевич, 1940] предлагается ввести группу недифференцированных имён, которые могут также быть той или иной частью речи, в зависимости от значения и морфологического оформления.

⁹ На первый взгляд у омонима-существительного значение кажется проще, чем у глагола: ср. ‘дождь’ – ‘идти (о дожде)’ в (1а-б) или ‘что’ и ‘что делать’ в (2б-в). Однако в других случаях (напр., *bajan*- ‘богач, богатство’ и ‘разбогатеть’) нельзя говорить о подобной закономерности.

¹⁰ Напр., смысловая «добавка» в глагольной основе *imanna*- ‘идти (о дожде)’ по сравнению с ‘дождь’ не идентична «добавке» в глаголе *bajan*- ‘разбогатеть’ по ср. с ‘богач, богатство’ или «добавке» в *ηəla*- ‘бояться’ по ср. со ‘страх’.

¹¹ В соответствии с [Vinyar, Kazakova, 2022], мы в эвенском (и эвенкийском) языке имеем дело с особым, непрото-типическим видом инкорпорации, который также встречается в ряде языков, в которых у результирующего глагола возможно существительное-дополнение (согласно [Mithun, 2000, p. 919], данный тип инкорпорации встречается в восточно-кушитских языках).

(9)

aru-l-wa *mō-l-wa* *mō-lā-ra-n*
 зло-PL-ACC дерево-PL-ACC дерево-VBLZ.OBJ-NFUT-3SG
 ‘(Он) заготовил плохие дрова’ (Анкета)

(10)

а. *ə-ja-wəl* *ǎ-d'a-raki-f*
 что.TRUNC-PART-INDEF что.TRUNC-IPFV-CVB.COND-1SG
aŋ-d'a-rī-jə-w
 это-IPFV-PTCP.SIM-PART-1SG
 ‘Если я что-то буду делать,’ {если увидите, что я что-то делаю, не подходите} (Корпус)

б. (**ə-wa*) *ə-d'a-ø-nni*
 что.TRUNC-ACC что.TRUNC-IPFV-NFUT-2SG
 ‘Что ты делаешь?’ (Анкета) – ср. (8)

в. (**əkun-ma-wal*) *ǎ-d'a-ø-m-mal*
 что.TRUNC-ACC-INFEF что.TRUNC-IPFV-NFUT-1SG=INDEF
 ‘Я что-то делаю’ – ср. (5а) и (10а)

Кроме отыменных глаголов, в эвенкийском языке нет процессов, которые можно анализировать как инкорпорацию. Это внутриязыковые данные, которые можно использовать как аргумент против описания с применением операции инкорпорации. С. Ю. Толдова (личное сообщение) предложила ещё один аргумент против инкорпорации: при инкорпорации глагольная основа, в которую инкорпорируется именная вершина, должна быть одна и та же во всех случаях инкорпорации, а в эвенкийском языке в разных глаголах эта основа разная: *mō* ‘дрова’ > *mō-lā-* ‘заготовить дрова’; *čaj* ‘чай’ > *čaj-dā-* ‘заварить чай’; *ollo* ‘рыба’ > *ollo-mō-* ‘удить рыбу’; *ulu* ‘белка’ > *ulu-mī-* ‘охотиться на белку’ (в традиционной грамматике эти основы описываются как словообразовательные аффиксы)¹². Таким образом, инкорпорация как формальный анализ неприменима к эвенкийским отыменным глаголам. Насчёт основы *ǎ-* нельзя сделать такого однозначного вывода из-за примеров (10б-в), в которых прямой объект невозможен.

Случай, который заслуживает отдельного внимания, – это образование неопределённого глагола ‘делать что-то’ *ə-d'a-ø-m=mal* в (5а)¹³. Частица *=wAl/=mAl* INDEF, в соответствии с работой [Константинова, 1964, с. 254–255], маркирует неопределённость при местоимениях (в (10)) и наречиях, а при глаголах *=wAl/=mAl* маркирует раздельность ‘или / либо’.

Мы видим, что в (5а) *=wAl/=mAl* при *ǎ-* маркирует неопределённость, но стоит при глаголе, а не при местоимении или наречии; значит, *=mAl* при *ǎ-* – это исключение.

Анализ с инкорпорацией объясняет (5а): в результате инкорпорации у результирующей глагольной основы появляется признак Q (этот признак уже есть у местоимения *ǎ-*), благодаря которому возможно присоединение *=mAl*. Важно заметить, что с помощью теории распределённой морфологии случаи типа (5а), а также типа (10б-в) могут быть последовательно описаны, как и при анализе с помощью инкорпорации¹⁴.

Ещё одно предикативное слово *ǎčə-* NEG.ADJ тоже может присоединять *=wAl/=mAl*, ср. (11).

¹² В работе [Mithun, 2000, р. 922] приводятся похожие факты из аляскинского юпикского (эскимосско-алеутская семья).

¹³ По свидетельствам носителей языка, можно сказать *ə-d'a-ø-m=mal* в разговоре для признания того, что говорящий сказал что-то не то (‘я что-то делаю, сам этого не понимаю’).

¹⁴ При использовании теории распределённой морфологии [Marantz, 1997] данный факт также получает объяснение: у неопределённой по части речи основы, которая поступает на вход механизма морфосинтаксической деривации, уже есть признак Q (вопросительный). Этот признак фиксируется в словаре, он не зависит от части речи и присутствию и в существительном, и в глаголе.

(11)

āčə-m(-məl)

NEG.ADJ-PS.1SG

əkun-a=da

что-PART=FOC

‘Ничего не делаю’ {в ответ на вопрос «Что ты делаешь?»} (Анкета)

Отрицательное слово *āčə-* ‘не есть’ стандартно употребляется как отрицательное прилагательное с посессивным показателем и со вспомогательным глаголом¹⁵, например, в (12).

(12)

bi

1SG

torgon

жадный

āčə-w

NEG.ADJ-PS.1SG

bi-si

быть-PTCP.NEG

‘Я не жадный’ [Болдырев, 2000: 415]

В (5a) и (11) *=wAl/=mAl* присоединяется к глаголу, так что признак Q содержится в основе *ā-* ‘что делать’ или *āčə-* ‘не есть’. У этой основы, которая уже содержит инкорпорированное местоимение с признаком Q, невозможно прямое дополнение в (10б-в).

3. Заключение

С учётом представленного выше материала можно сказать, что для не определённых по части речи основ анализ с (неканонической) инкорпорацией формально возможен, но является концептуально недостаточно обоснованным. Более гибким и концептуально обоснованным является анализ с использованием распределённой морфологии А. Маранц [Marantz, 1997] (см. [Рудницкая, 2023]).

Таким образом, зафиксирована целая парадигма глагола с основой *ā-* ‘что делать’. В неё входят не только вопросительные глаголы и плейсхолдеры, но и неопределённые глаголы ‘делать что-то // что-нибудь’. Глагольная основа со значением ‘что делать’ используется как маркированный вопрос (заданный не с целью получения информации, (дез)аффилирующий, риторический или ненавязчивый). Наиболее концептуально корректное описание этого явления строится с помощью частеречной омонимии. Из формальных описаний адекватно описывает материал теория распределённой морфологии, в то время как теория инкорпорации имеет серьёзные недостатки.

Список сокращений и условных обозначений

ACC – аккузатив, ADJ – адъективный, COND – (конверб) условия, CVB – конверб, DAT – дательный, EXCL – эксклюзивное (множественное число), FOC – (показатель) фокуса, HAB – хабитуальный (вид), IMPER – императив, INCH – инхоатив, INDEF – неопределённый, INTS – интенсификатор, IPFV – несовершенный (вид), NEG – отрицание, NFUT – будущее (время), NMLZ – номинализация, OBJ – объектная (номинализация), PART – партитив, PL – множественное (число), PS – посессивный (аффикс), PST – прошедшее (время), PTCP – причастие, PURP – (конверб) цели, Q – вопросительный, SG – единственное число, SIM – (причастие) одновременности, TRUNC – усеченная (основа), VBLZ – показатель вербализации

Библиографический список

- Болдырев, 2000 – Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 2. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 484 с.
- Болдырев, 2007 – Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / отв. ред. В. А. Роббек. Новосибирск: Наука, 2007. 503 с.
- Василевич, 1940 – Василевич Г. М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Голосиз, 1940. 196 с.

¹⁵ Ср. экзистенциальное отрицание *ačin* с аналогичными, но не полностью идентичными морфосинтаксическими признаками [Рудницкая, 2021].

- Константинова, 1964 – Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М. : Наука, 1964. 274 с.
- Рудницкая, 2021 – Рудницкая Е. Л. Отрицательная экзистенциальная конструкция с *āčīn* в эвенкийском языке: внутренняя синтаксическая структура // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3 (42). С. 60–75.
- Рудницкая, 2023 – Рудницкая Е. Л. Проблема не определенных по части речи основ в эвенкийском языке // Проблемы общей и востоковедной лингвистики / отв. ред. А. С. Зверев. М. : Изд-во ИВ РАН, 2023. С. 163–182.
- Суник, 1966 – Суник О. П. Общая теория частей речи. М., Л. : Наука, 1966. 132 с.
- Терещенко, 1979 – Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л. : Наука, 1979. 322 с.
- Abioye, 2009 – Abioye T. O. Typology of Rhetorical Questions as a Stylistic Device in Writing // The International Journal of Language Society and Culture. 2009. Vol. 29. URL : www.educ.utas.edu.au/users/tle/JOURNAL/
- Amon, 2023 – Amon M. Between rhetorical questions and information requests: A versatile interrogative clause in Estonian // Open Linguistics. 2023. Vol. 9. <https://doi.org/10.1515/opli-2022-0235>
- Farkas, 2022 – Farkas D. F. Non-intrusive questions as a special type of non-canonical questions // Journal of Semantics. 2022. Vol. 39 (2). P. 295–337. <https://doi.org/10.1093/jos/ffac001>
- Klyachko, 2022 – Klyachko E. Functions of placeholder words in Evenki // Tungusic languages: Past and present / A. Hölzl, T. E. Payne (Eds). Berlin : Frei Universitaet, 2022. 199–225.
- Marantz, 1997 – Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon // Proc. of the 21st Annual Penn Linguistics Colloquium / ed. by A. Dimitriadis, L. Siegel, & al. University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 1997. Vol. 4.2. P. 201–225.
- Mithun, 2000 – Mithun M. Incorporation // Morphology: International handbook on Inflection and Word-formation / G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan (Eds.). 2000. Vol. 1. Berlin, New York : Walter de Gruyter. P. 916–928.
- Podlesskaya, 2010 – Podlesskaya V. Parameters of typological variation of placeholders // Fillers, Pauses, and Placeholders / N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan (Eds.). Amsterdam : John Benjamins. P. 11–32.
- Vinyar, Kazakova, 2022 – Vinyar A., Kazakova T. Denominal suffixal verbs in Bystraja Even: Noun incorporation // Третья конф. по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам : тезисы докладов. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. С. 114–117.
- Yap et al., 2023 – Yap F. H., Kashyap A. K., Tao H. Interrogatives and speaker stance: From information-seeking to interpersonal (dis)affiliation // Journal of pragmatics. 2023. Vol. 205. P. 111–121. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.12.012>

References

- Boldyrev, B. V. (2000). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Vol. 2. Novosibirsk : SO RAS Press. (In Russ.).
- Boldyrev, B. V. (2007). *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Evenki morphology]. Ed. by V. A. Robbek. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Vasilevich, G. M. (1940). *Ocherki grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on Evenki (Tungus) grammar]. Leningrad : Gosuchpedgiz Press. (In Russ.).
- Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Podlesskaya, V. (2010). Parameters of typological variation of placeholders. In N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan (Eds.), *Fillers, Pauses, and Placeholders* (pp. 11–32). Amsterdam : John Benjamins.
- Rudnitskaya, E. L. (2021). Otritsatel'naya ekzistentsial'naya konstruktsiya s *āčīn* v evenkiyskom yazyke: vnutrennyaya sintaksicheskaya struktura [Negative construction with *āčīn* in Evenki: Internal structure]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 3 (42), 60–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2021-42-3-60-75>
- Rudnitskaya, E. L. (2023). Problema ne opredelennykh po chasti rechi osnov v evenkiyskom yazyke [The problem of bases undetermined for part of speech]. In A. S. Zverev (Ed.), *Problemy obshchey i*

- vostokovednoy lingvistiki* [Problems of general and oriental linguistics] (pp. 163–182). Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Sunik, O. P. (1966). *Obshchaya teoriya chastey rechi* [General theory of parts of speech]. Moscow, Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Tereshchenko, N. M. (1979). *Nganasanskiy yazyk* [Nganasan language]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Abioye, T. O. (2009). Typology of rhetorical questions as a stylistic device in writing. *The International Journal of Language Society and Culture*, 29. www.educ.utas.edu.au/users/tle/JOURNAL/
- Amon, M. (2023). Between rhetorical questions and information requests: A versatile interrogative clause in Estonian. *Open Linguistics*, 9. <https://doi.org/10.1515/opli-2022-0235>
- Farkas, D. F. (2022). Non-intrusive questions as a special type of non-canonical questions. *Journal of Semantics*, 39 (2), 295–337. <https://doi.org/10.1093/jos/ffac001>
- Klyachko, E. (2022). Functions of placeholder words in Evenki. In A. Hölzl, T. E. Payne (Eds), *Tungusic languages: Past and present* (pp. 199–225). Berlin : Frei Universitaet.
- Marantz, A. (1997). No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. In A. Dimitriadis, L. Siegel, & al (Eds.), *Proc. of the 21st Annual Penn Linguistics Colloquium* (pp. 201–225). (University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics; Vol. 4.2).
- Mithun, M. (2000). Incorporation. In G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan (Eds.), *Morphology: International handbook on Inflection and Word-formation*. (Vol. 1, pp. 916–928). Berlin, New York : Walter de Gruyter.
- Vinyar, A., & Kazakova, T. (2022). Denominal suffixal verbs in Bystraja Even: noun incorporation. *Tret'ya konf. po ural'skim, altaiskim i paleoaziatskim yazykam* [The third Ural, Altaic and Paleo-Asiatic languages conference]: Authors' abstracts (pp. 114–117). St Petersburg : Institute for Linguistic Studies.
- Yap, F. H., Kashyap, A. K., & Tao, H. (2023). Interrogatives and speaker stance: From information-seeking to interpersonal (dis)affiliation. *Journal of pragmatics*, 205, 111–121. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.12.012>